

идеаловъ и стремиться къ возвеличенію той истины, которая открылась ему въ «настоящемъ разумѣніи жизни». Оно нравится людямъ, ибо потворствуетъ ихъ страстямъ. Графъ Толстой правъ, говоря: «Заглушить этотъ голосъ нельзя, потому что голосъ этотъ не чей-нибудь одинъ голосъ, а голосъ всего разумнаго сознанія человѣчества, который высказывается и въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ, и въ лучшихъ людяхъ человѣчества, и теперь уже въ большинствѣ людей».

Философы «просвѣтители» не отступаютъ въ этомъ отношеніи отъ естествоиспытателей и идутъ все дальше въ ученіи о пользованіи кратковременной человѣческой жизнью. Не находя въ ней никакого смысла, они, наконецъ, въ озлобленіи своемъ, торжественно провозглашаютъ средство избавиться отъ нея: это средство — повальное самоубійство.

Совеѣмъ иначе представляется дѣло, если человѣкъ вѣрить, что его индивидуальное *я* при смерти не погибаетъ. Въ такомъ случаѣ онъ ставитъ не себя центромъ жизни, а ближняго, и цѣль его состоитъ въ томъ, чтобы употребить эту жизнь какъ можно полезнѣе для окружающихъ его. Онъ любитъ ближняго и дѣлаетъ ему добро не изъ какихъ-либо расчетовъ, а потому что любить добро за добро; онъ честенъ и справедливъ не потому, что такъ покойнѣе и выгоднѣе, а потому, что честь и правда того требуютъ. Цѣль его жизни есть *духовное достояніе*, то есть,